

Г. М. ПРОХОРОВ

Радзивилловский список Владимирской летописи по 1206 год и этапы владимирского летописания

1. Родственные памятники

Радзивилловский список летописи был сделан, судя по его бумаге и письму, в конце XV в.¹ Изложение же его оканчивается или обрывается на статье 6714 (1206) г. На всем своем протяжении оно близко (но по-разному) летописным текстам Лаврентьевского,² первой части Московско-Академического³ и второй части Архивского списков (начиная с 6646 (1138) г.), т. е. к Летописцу Переяславля-Суздальского.⁴ Лаврентьевский написан в 1377 г., а Московско-Академический и Архивский — тоже в XV в. Радзивилловский выделяется из них тем, что он иллюстрирован. Это древнейший иллюстрированный список русской летописи. Но здесь речь пойдет не о том, что представляют собой здешние миниатюры, иллюминирующие летописный текст, — только ли плод художественного творчества конца XV в. или же воспроизведение более древних иллюстраций, находившихся в том списке или в тех списках, которые генетически предшествовали Радзивилловскому, — а о том, что представляет собой его летописный текст.

Оборван ли он писцом или оканчивался на том же месте в его протографе? Значительно вероятней второе — потому, во-первых, что конец изложения находится здесь не в конце списка, а на его предпоследнем листе (244): статья 6711 (1203) г., продолжающаяся на этом листе, прерывается среди лицевой стороны листа (после миниатюры) вставкой, представляющей собой продолжение рассказа о событиях 6713 (1205) г., за которым следует рассказ о 6714 (1206) г.; после вставки, в конце второй строки снизу на л. 244 об., изложение возвращается к прерванной статье 6711 (1203) г.: на л. 245 за ней следует статья 6712 (1204) г. и начинается статья 6713 (1205) г.; она и обрывается с окончанием оборота 245 л. (а продолжается, как сказано, на л. 244). Поскольку эта перестановка части текста никак не может быть объяснена историей самого Радзивилловского списка (например путаницей в нем листов, так как переставленный текст не занимает целого листа), приходится думать, что листы были переставлены в той рукописи, от которой Радзивилловский список прямо или опосредованно зависит: вероятнее всего последний лист той книги оторвался и был вложен перед предпоследним. Во-вторых, точно такая же перестановка текста обнаруживается в Московско-Академическом списке, какой А. А. Шахматов первоначально счел выверенной копией Радзивиллов-

¹ См.: Шахматов А. А. Описание рукописи // Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись: Статьи о тексте и миниатюрах рукописи. Б. М., 1902. С. 1—17 (ОЛДП; Вып. СХVIII).

² ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1926. Т. 4, вып. 4; То же. 1927. Т. 4, вып. 2.

³ Там же. Вып. 1. С. VII.

⁴ Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214 и 1219 гг.) / Изд. К. М. Оболенским. М., 1851.

ского,⁵ но затем изменил свое мнение, потому что выверен он, в таком случае, должен был быть по протографу Радзивиловского, и признал его более исправной копией того же оригинала.⁶ После окончания на статье 6714 (1206) г. общего с Радзивиловским списком текста в Московско-Академическом идет другая по характеру и составу, общерусская, Софийская I летопись за 1205—1237 гг. (а далее, в части за 1237—1418 гг., по определению А. А. Шахматова, — Ростовский владычный свод).⁷ Таким образом, на статье 1206 г. оканчивался какой-то более древний, чем Радзивиловский и Московско-Академический, список летописи, их предшественник. Изобразим этот вывод графически, условно назвав текст-протограф, следом за А. А. Шахматовым, «Радзивиловской летописью» (см. рис. 1).

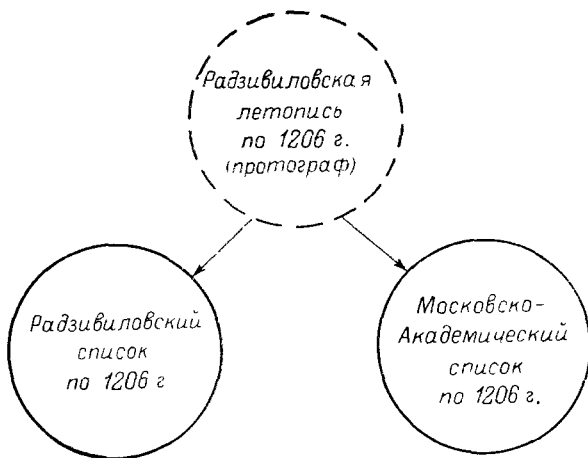

Рис. 1.

Радзивиловская летопись, т. е. Радзивиловский и Московско-Академический списки разом, весьма близка, как ясно из сказанного, к Лаврентьевской летописи, содержащейся в Лаврентьевском списке 1377 г., и к Летописцу Переяславля-Суздальского, содержащемуся в Архивском списке XV в. Однако же списками Радзивиловской летописи ни тот ни другой памятник названы быть не могут:⁸ у них гораздо более сложные отношения между собой и со списками Радзивиловской летописи, нежели у тех друг к другу. Летописец Переяславля-Суздальского сам по себе близок к Лаврентьевской летописи, но — только до определенного момента. Лаврентьевская летопись оканчивается статьей 6813 (1305) г., а Переяславско-Суздальский летописец — статьей 6722 (1214) г. Близость же между ними не переходит за пределы окончания Радзивиловской летописи, т. е. за статью 6714 (1206) г. Значит, в пределах до 1206 г. указанные летописные тексты более близко родственны друг другу, чем после этого года. Издатель текста Архивского списка, давший ему удержавшееся за ним определение Летописца Переяславля-Суздальского и убе-

⁵ Шахматов А. А. Исследование // Радзивиловская, или Кенигсбергская. летопись. С. 21—30.

⁶ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 44—45.

⁷ Там же. С. 367.

⁸ Я. С. Лурье называет Летописец Переяславля-Суздальского третьим списком Радзивиловской летописи: «Начиная с известия 1138 г. может рассматриваться как третий список Л. Р. еще один памятник — Летописец Переяславля-Суздальского. . .» (Лурье Я. С. 1) Летопись Радзивиловская // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 142 (Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси»); 2) То же // Словарь книжников и книжности Древней Руси. М., 1987. Вып. 1 (XI—первая пол. XIV в.). С. 248).

дительно ограничивший время его создания (т. е. окончания) 1214 и 1219 гг., К. М. Оболенский о заключительной части этого Летописца написал следующее: «С 1206 года начинается в Переяславском летописце вполне особое изложение; сходный до этого года с киевской летописью, помещенною в Лаврентьевском списке, далее он со списком мниха Лаврентия совершенно расходится». Следовательно, делает К. М. Оболенский вывод (мы сделали выше такой же), «...оба составителя пользовались одним древнейшим источником, простиравшимся только до 1206 года, а с этого времени пополняли рассказ событий из других источников. Что касается до летописца Переяславского, то он, по всему вероятно, события следующих годов рассказал прямо от себя».⁹ В приведенных словах К. М. Оболенского в поправке нуждается только определение текста Лаврентьевской летописи до 1206 г. как киевской: к настоящему времени ясно, что с середины XII в. киевский текст в этой летописи начинает постепенно уступать место владими́ро-суздальскому, каковой к началу XIII в. и преобладает в изложении над южнорусским.

И Лаврентьевской летописи свойственны особенности, которые тоже обращают внимание примерно на 1206 г. и заставляют думать о нем как о времени окончания одного из этапов истории ее текста. Это пропуск большей части статьи 6711 (1203) г., статьи 6712 (1204) г. целиком и большей части статьи 6713 (1205) г., отчего сохранившееся здесь начало статьи 6711 (1203) г. смыкается с окончанием статьи 6713 (1205) г., где говорится о смерти Елены Всеволодовны (так что она оказывается датированной 1203 г.), причем происходит это среди л. 142, т. е. не объясняется утратой листов в Лаврентьевском списке.¹⁰ Значит, листов не доставало в каком-то из его протографов — вероятнее всего по той же причине, по какой произошла перестановка текста в Радзивиловской летописи: потому что это были последние или близкие к последнему листы рукописи.

А. А. Шахматов, сопоставив этот пропуск в Лаврентьевской летописи с перестановкой текста за 6713—6714 (1205—1206) гг. в Радзивиловской, пришел к выводу, что составитель Лаврентьевской пользовался тем самым дефектным экземпляром летописи, «который лег в основание Радзивиловской»: в нем «(так же, как теперь в Радзивиловской) под 6711 (1203) г. сообщалась известия 6713 (1205) г.: кончина муромского князя Владимира Юрьевича, кончина дочери великого князя Всеволода Елены, примирение Ольговичей со Всеволодом и Романом. И вот мы видим, что одно из этих событий, а именно кончина Елены, читается и в Лаврентьевской под 6711 (1203) г., причем Лаврентьевская не содержит ни одного из известных 1203—1205 гг., подвергшихся перестановке в Радзивиловской. . .»¹¹

Надо сказать, Лаврентьевская летопись не имеет в этом месте значительно большего по объему текста, нежели период за 1203—1205 гг., оторвавшийся от хронологически предшествующего ему повествования вследствие перестановки отрывка за 1205—1206 гг.: пропуск начинается там задолго до того места статьи 6711 (1203) г., где в Радзивиловской вторгся отрывок о 1205—1206 гг. Окончания же пропущенного в Лаврентьевской и смещенного в Радзивиловской летописи текстов почти совпадают: расхождение здесь в одно небольшое известие — первое под миниатюрой на л. 244 Радзивиловской: «Того же лѣта преставися Володимерь Гургевич, муромский князь». Похоже, что в протографе Радзивиловской летописи перед тем, как он стал протографом Лаврентьевской, переложный вперед последний лист положили на место, но пару листов, предшествующих ему, потеряли; или же, списав текст первого из этой пары листов до миниатюры (обрыв в Лаврентьевской летописи начинается всего за три

⁹ Летописец Переяславля-Суздальского. С VII.

¹⁰ См.: ИСРЛ. Т. 1, вып. 1. Стб. 418—421; см. также: Прохоров Г. М. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. С. 89.

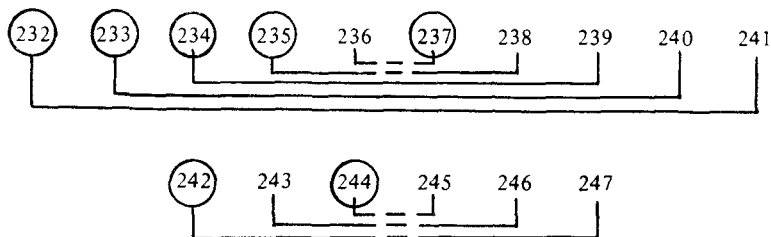
¹¹ Шахматов А. А. Обзорные. С. 10.

слова — «собѣ в полонъ» — до миниатюры на л. 238 Радзивилловской), по ошибке перелистнули этот и следующий лист и продолжили списывание под точно так же расположенной миниатюрой последнего листа, помещенного перед этим на место (ср. л. 244 Радзивилловской летописи).¹²

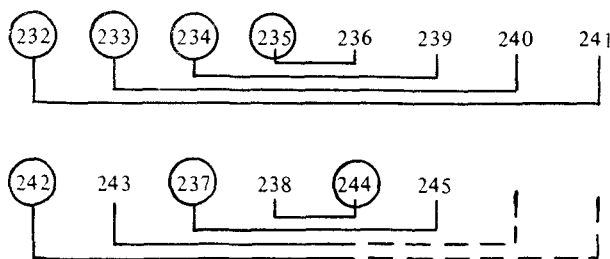
С выводом К. М. Оболенского А. А. Шахматов в принципе был согласен: «Сравнивая Переяславскую летопись с Лаврентьевскою, — пишет он, — видим, что до 1206 года различия между ними незначительны. . .»; однако же сам он склонялся к мысли, что основой Переяславской послужила Владимирская летопись, доведенная далее не только 1206, но и 1214 г.: «Переяславская же летопись. . ., — пишет он несколько дальше, — содержала извлечения из Владимирского свода, доходившие до 1214 года».¹³ Ознакомимся с его аргументацией, ибо вывод важен.

«. . . в конце 1206 г. в Переясл. два кратких известия вместо двух длинных Лаврентьевской; напротив, длинное известие о походе рязанских князей вместо краткого известия Лаврентьевской».¹⁴ Сравнивая летописи, видим, что статья 6714 (1206) г. Переяславской сначала полностью воспроизводит (с незначительными, на уровне работы писца отличиями) тот текст, который составляет последнюю статью Радзивилловской (последние его слова: «. . . и положиша ю у церкви святых Богородица»), а затем, продолжая это известие (со слов «въ монастыри, юже бѣ сама създала. . .») и приводя следующее (о походе Романа Мстиславича «на Ляхи», его гибели и о походе Рюрика и Ольговичей к Галичу), дает выборку из значительно

¹² Заметим здесь, что два листа, некогда предшествовавшие в Радзивилловской л. 244, содержащие статью 6710 (1202) г. полностью и начало статьи 6711 (1203) г., в том числе часть отсутствующего в Лаврентьевской текста, сейчас перенесены в ней на несколько листов вперед и носят номера 237 и 238. Кстати сказать, номера эти представлены буквенной цифирью, полууставом, может быть, в XVI в.: стало быть, перенос этот произошел когда-то очень давно. Убедиться в том, что в данном случае текст перемещен вместе с листами Радзивилловского списка, а не его протографа, позволяет строение 30-й тетради кодекса, которая стала из-за этого на два листа больше, и 31-й, которая сделалась меньше (кружочками обвожу номера листов с филигранями):

Первоначально же 30-я и 31-я тетради рукописи выглядели так (номера листов сохраняя нынешние):

Возможно, впрочем, л. 246 и 247, парные л. 242 и 243, первоначально были на месте и были чистыми. Нынешние л. 246 и 247, занятые «Сказанием Данила игумена», — иной, более густого замеса, бумаги и исписаны другой рукой. Явно, они присоединены к тетради с летописью позже.

¹³ Шахматов А. А. Исследование. С. 60, 90.

¹⁴ Там же. С. 92.

более распространенного текста Лаврентьевской летописи (собственной вставкой кажутся тут лишь слова: «Господь же рече: претерпевый до конца. . . во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь»). Завершает же эту статью гораздо более подробное, чем в Лаврентьевской, сообщение о походе рязанских князей на половцев и, что существенно, не родственное Лаврентьевской по тексту: «Того же лѣта Романъ Рязанский князь с братиєю. . . Се же бысть месяца априля страстных недели въ среду» (П, 108); ср. в Лаврентьевской: «Того же лѣта ходиша. . . и взяша вежѣ ихъ» (Л, 425). Так что уже это известие отнести к общему источнику этих летописей оказывается если не вовсе невозможным, то очень затруднительным.

«. . . под 1210 читаем то же, что в Лавр. под 1208, о победе Юрия Всеволодовича над рязанскими князьями».¹⁵ Но прежде того, надо сказать, в Переяславской летописи идут статьи 6715—6717 (1207—1209) гг., не имеющие ничего общего с текстом Лаврентьевской.¹⁶ Статья же 6718 (1210) г., отдельными словами совпадающая с последним сообщением статьи 6717 (1208) г. Лаврентьевской летописи, опять превосходит его подробностями и величиной; ср.: «Поиде Изяславъ Володимеричъ и кюръ Михайло Всеволодичъ с половци на великого князя Всеволода. . . Гюрги же воротися къ отцу своему съ побѣдою въ градъ Володимиръ» (П, 109) и «Тое же зимы кюръ Михайл со Изяславом, пришедша, начаста воевати волость Всеволожу. . . И возвратися князь Юрги ко отцу своему, слава Бога» (Л, 434). Легче допустить, что во Владимирскую летопись было сделано заимствование (с сокращением) из Переяславской, нежели наоборот.

«. . . под 1211 то же, что в Лавр. под 1210, а именно о рождении Всеволода Константиновича».¹⁷ Эти сообщения, действительно, близки друг другу по тексту: «Родися Костянтину Всеволодичю сынъ, и нарекоша имя ему въ святѣмъ крещении Иоаннъ, а по княжѣску Всеволодъ» (П, 109), «Родися Костянтину сынъ Всеволодъ, а въ святѣмъ крещеньи нарекоша ему имя Иоаннъ» (Л, 435), — но они слишком кратки (причем в Лаврентьевской, как видим, опять короче, чем в Переяславской), чтобы быть уверенными в том, что мы не имеем здесь дела с обычной продиктованной темой формулой.

Все дальнейшие указываемые А. А. Шахматовым параллели, а именно: «. . . под 1212 то же, что в Лавр. под 1211, о женитьбе Георгия Всеволодовича; ниже то же, что в Лавр. под 1209, о походе сыновей Всеволода против новгородцев, схвативших своего князя Святослава Всеволодовича; под 1213 то же, что в Лавр. под 1212, об освобождении Юрием из заточения князей Рязанских; под 1214 и в Переясл., и в Лавр. о поставлении епископов Симона владимирского и Пахомия ростовского; ниже в Переясл. то же, что в Лавр. под 1213, о закладке в Ростове соборной церкви св. Богородицы»,¹⁸ — параллели лишь тематические, но ни в коем случае не текстуальные. Это записи разных людей, разных летописцев, работавших, как можно представить себе, в таких близких друг к другу городах, как Переяславль-Залесский и Владимир-Залесский. Неизбежно, что при такой близости «точек зрения» в поле их зрения попадали часто одни и те же события, отчего в значительном и тут и там по объему и в целом различном, разнородном материале появились тематические совпадения. Таким образом, приведенные выше слова К. М. Оболенского, что «с 1206 года начинается в Переяславском летописце вполне особое изложение», остаются, на мой взгляд, совершенно верными.

А это значит, что мы не имеем права, сопоставляя Переяславскую летопись с Лаврентьевской, говорить как об источнике первой из них

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ср. с. 108—109 Переяславской летописи и стб. 428—435 Лаврентьевской.

¹⁷ Шахматов А. А. Исследование. С. 92.

¹⁸ Там же. С. 90.

о Владимирском своде ни 1216, ни 1215, ни 1214, ни 1212 гг., ни «начала XIII в.», если предполагается, что это начало переходит границу 1206 г.

О своде 1216 г. в этом смысле писал А. А. Шахматов, считая, что он «доходил, предположительно, до 1216 года, т. е. до года Липецкой битвы, Юрьевской рати (21 апр. 1216 г.)».¹⁹ О своде 1214 г. и своде «начала XIII в.» писал он же в более поздней работе.²⁰ Предположение о своде 1212 г. принадлежит М. Д. Приселкову,²¹ опиравшемуся при этом на позднейшее высказывание А. А. Шахматова о владимирском своде 1212 г., «кончавшемся описанием смерти великого князя Всеволода и изложением его завещания детям».²² Вот любопытное сообщение М. Д. Приселкова об эволюции мысли А. А. Шахматова: «В определении окончания этого владимирского свода А. А. Шахматов сначала высказался за 1206 год, относя изложение 1206—1214 годов в переяславском „Летописце“ к руке переяславского продолжателя, затем определил окончание владимирского свода как 1214 год, считая, что в Переяславле этот свод был только отредактирован, и, наконец, в позднейшем своем высказывании А. А. Шахматов определяет этот владимирский свод 1212 годом, считая последним его известием описание смерти и завещательной беседы Всеволода с детьми».²³ М. Д. Приселков воспринял это последнее мнение А. А. Шахматова, как будто не заметив того, что в Лаврентьевской и Переяславской летописях описание смерти Всеволода и изложение его завещания детям не имеют ничего общего. Согласно М. Д. Приселкову, владимирский летописный свод 1212 г. был продолжен в Переяславле-Залесском по 1214 г. включительно; как он пишет, «переяславское (суздальское) летописание, использовавшее владимирский свод 1212 г. и продолжавшее его изложением двух последующих годов, далее этого не пошло», так как «у переяславского князя Ярослава не хватало забот более, чем на доведение своего летописания от 1212 до 1214 г. . . »²⁴

Мысль о владимирском своде 1215 г. принадлежит Ю. А. Лимонову. Заметим, что, высказывая ее, он не отрицает существования и свода 1212 г. Как и А. А. Шахматов, Ю. А. Лимонов полагает, что конец Радзивилловской летописи (или ее протографа) был утрачен.²⁵ Идя даже дальше А. А. Шахматова, который, как мы увидим, считал, что только некоторые переяславские добавки сохранились в Радзивилловской, Ю. А. Лимонов полагает, что сохранились они там все.²⁶ Но при этом, в отличие от А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, он почему-то не считает, что Радзивилловская летопись восходит к Переяславской, но говорит, что обе они зависят от владимирского летописного свода. Убедительно датировав окончание Переяславской летописи мартом—апрелем 1216 г.,²⁷ ее общий с Радзивилловской источник он датировал несколько более ранним временем, 1215 г.²⁸

Но коль скоро вслед за К. М. Оболенским мы признали изложение Переяславской летописи с конца 1206 г. по 1214 г. (ее конец) независимым

¹⁹ Там же.

²⁰ Шахматов А. А. Обзорение. С. 51—54.

²¹ Приселков М. Д. 1) Лаврентьевская летопись (история текста) // Учен. зап. ЛГУ. 1939. № 32. Сер. ист. наук. Вып. 2. С. 82—87; 2) История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 82—87.

²² Приселков М. Д. Лаврентьевская летопись. С. 83.

²³ Там же. С. 78, примеч. 1.

²⁴ Приселков М. Д. Лаврентьевская летопись. С. 84.

²⁵ Это ясно из того, например, что он пишет об отсутствующих в Радзивилловской летописи подробностях некролога Всеволода Юрьевича (в Лавр. — под 1212—1213 гг.) и о присутствующей там «настоящей политической программе Юрия и владимирских феодалов, оформленной в виде завещания Всеволода. . . » так, будто эта летопись содержит это завещание, а не кончается на статье 1206 г. (См.: Лимонов Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской земли. Л., 1967. С. 165—166).

²⁶ Там же. С. 123.

²⁷ Там же. С. 158—159.

²⁸ Там же. С. 166.

от владимирского летописания, все рассуждения о переходящем границу 1206 г. владимирском источнике Переяславской летописи приходится, как уже сказано, оставить.

Подкрепленный таким образом вывод К. М. Оболенского можно графически показать так:

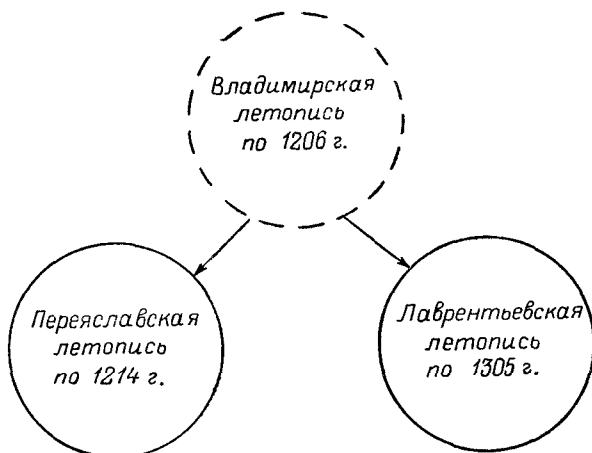

Рис. 2.

Естественным образом мы теперь оказываемся перед вопросом: как соотносятся Радзивилловская летопись по 1206 г., т. е. общий источник Радзивилловского и Академического списков летописи, и Владимирская летопись по 1206 г., т. е. общий источник Лаврентьевской и Переяславской летописей?

Впрочем, есть препятствие прямому сопоставлению этих гипотетических источников — утверждение А. А. Шахматова, что Радзивилловская летопись происходит прямо из Переяславской летописи 1216 г. (1216-го потому, что, по А. А. Шахматову, завершающая фраза завершающей статьи 1214 г. этой летописи «Се же бысть лето високосное» может относиться к високосному 1216 г.). Объясняя разницу в их окончаниях, А. А. Шахматов писал, что в основание Радзивилловской летописи был положен список Переяславской, который «подвергся . . . утрате окончания (листов, обнимавших события 1206—1214 гг.). . .»²⁹

Но в этой гипотетической картине сразу же удивляет истораживает то, что Переяславская летопись, прежде чем лечь в основание Радзивилловской, предполагается, случайно утратила как раз ту свою часть, которая в целом резко отличает ее от Лаврентьевской. А если посмотреть более внимательно, можно заметить, что «линия отрыва» должна была пройти (в известии о погребении жены князя Всеволода Марии) точно по границе текста Переяславской летописи, не совпадающего с текстом Лаврентьевской («. . . и положиша ю у церкви святыя Богородица» — это и последние слова Радзивилловской), и текста, с ним совпадающего (от слов «. . . въ монастыри, юже бѣ сама сздала. . .»), т. е. перед началом небольших дословных выписок из Лаврентьевской, о которых мы говорили выше).

Что же побудило А. А. Шахматова высказать такую именно гипотезу, а не более естественное предположение, что Радзивилловская летопись зависит от Владимирской непосредственно, минуя Переяславскую? Вот как на этот вопрос отвечает М. Д. Приселков: «Предположение, что Радзивилловская летопись представляет собой текст владимирского свода

²⁹ Шахматов А. А. Исследование. С. 91, 95.

1212 г., а „Летописец Переяславля-Суздальского“ — его переяславскую обработку, затруднительно высказать потому, что в Радзивилловской летописи мы имеем следы переяславской обработки (под 1157 г. прибавку „В Переяславли Новем“, а под 1177 г. — прибавка „и переяславци“ в фразе „тобе ростовци привели и бояре, а мене был с братом Бог привел и володимерци и переяславци“, которой нет в Лаврентьевском тексте (имеется в виду «прибавки», а не фразы. — Г. П.), и ряд сокращений, которых нет в „Летописце Переяславля-Суздальского“. Тогда надо допустить, — продолжает М. Д. Приселков, — что Радзивилловская летопись была сближена с „Летописцем Переяславля“, а этот последний — с Лаврентьевской летописью.³⁰

Сокращения служить аргументом не могут, а две «прибавки» размером в три десятка букв вместе не кажутся слишком надежным основанием для умозаключения о прямой связи двух больших летописных текстов друг с другом. Переяславские вставки существуют, но — в Переяславской летописи, и они отмечены ее издателем, К. М. Оболенским: это, во-первых, замена в молитвенном обращении к Андрею Боголюбскому под 6683 (1175) г. (после рассказа о его убийстве) имени «князя нашего и господина Всеволода, своего же приснаго брата. . . с благородными дѣтми» (л. 371; так в Лаврентьевской, Радзивилловской и Московско-Академической) на имя «князя нашего и господина Ярослава, своего же приснаго и благороднаго сыновца» и просьба дать «прижитие дѣтий благородныхъ» (П, 84; первый сын Ярослава Всеволодовича Феодор родился в 1219 г.); во-вторых, это три прибавки — сравнительно с теми же Лаврентьевским, Радзивилловским и Московско-Академическим списками летописи — известий о переяславцах в рассказе той же статьи о войне между Михаилом и Всеволодом Юрьевичами, с одной стороны, и Мстиславом и Ярополком Ростиславичами, с другой.³¹ Из наблюдений А. А. Шахматова³² мы знаем, что такого же рода, хотя и менее значительное, отличие Переяславской летописи от Лаврентьевского, Радзивилловского и Московско-Академического текстов наблюдается и в статье следующего, 6684 (1176) г.: это — излишние слова «и переяславци» в сообщении о призвании в Суздальскую землю Михалка и Всеволода Юрьевичей. Можно указать, кроме того, в статье 6698 (1190) г. Переяславской летописи добавку «в градѣ Переяславли» к сообщению о рождении у великого князя Всеволода сына Феодора (в Радзивилловском списке эта статья отсутствует по причине утраты листа; судим по Московско-Академическому и Лаврентьевскому спискам). Дальше мы рассмотрим эти различия подробней.

Как же совмещается факт отсутствия этих переяславских замен и добавок в Радзивилловской летописи с утверждением о ее зависимости от летописи Переяславской? Неужели можно думать, что кто-то старательно восстанавливал в ней более древний, первоначальный текст и удалял вставки? А. А. Шахматов так точно и считает. Он полагает, что «Радзивилловская основывалась не на одной Переяславской летописи, а исправляла ее на основании еще другой суздальской летописи»,³³ что «дополнительным источником Радзивилловской летописи, источником, по которому отчасти сокращен, отчасти же исправлен основной ее источник, была Лаврентьевская летопись».³⁴ М. Д. Приселков, принимая в принципе этот вывод А. А. Шахматова, поясняет только, что в таком случае текст Переяславской летописи должен быть в Радзивилловской исправлен «по тексту одного из этапов образования Лаврентьевской летописи»,³⁵ «одного из предше-

³⁰ Приселков М. Д. Лаврентьевская летопись. С. 85, примеч. 1.

³¹ См.: Летописец Переяславля-Суздальского. С. I—II, 85—86.

³² Шахматов А. А. Обзорение. С. 46.

³³ Шахматов А. А. Обзорение. С. 48.

³⁴ Шахматов А. А. Исследование. С. 52.

³⁵ Приселков М. Д. История. С. 83.

ствующих этапов образования нынешнего текста Лаврентьевской летописи».³⁶

Того же взгляда на соотношение Радзивиловской и Переяславской летописей придерживается Я. С. Лурье. Не сомневаясь в наличии в Радзивиловской «переяславских черт», он рассуждает следующим образом: «Мало вероятно, что переяславские черты вносились в летописание начала XIII в. в два приема: сначала в РА, а затем снова и более решительно в П. Естественнее предположить, что оригинал Радз. и П. был составлен в Переяславле, а затем владимирский редактор устранил его переяславскую тенденциозность, но сделал это, как часто бывает при редактировании. Недостаточно последовательно, оставив „неустранимые следы переяславской обработки“».³⁷ «Во всяком случае, — считает Я. С. Лурье. — восстановление нескольких первоначальных мест во владимирской переработке Переяславского свода представляется более вероятным, чем обратное предположение о первичности текста РА».³⁸

В доказательство того, что следы влияния именно Переяславской летописи заметны в Радзивиловской, А. А. Шахматов и указал на те две, по его мнению, тоже переяславские добавки под 1157 и 1177 гг. о которых мы уже знаем из слов М. Д. Приселкова. В первом случае это слова «в Переяслави (в) Новем», отличающие сообщение Переяславской и Радзивиловской летописей от сообщения Лаврентьевской о завершении строительства Андреем Боголюбским каменной церкви Спаса, заложеной его отцом: «. . . и церковь кончалъ, юже бѣ заложилъ преже отецъ его, святого Спаса камену в Переяслави Новѣмъ» (это окончание статьи 6665 г. Радзивиловской; см.: Л., 348); во втором случае это слова «и переяславци» в статье 6685 (1177) г., в речи Всеволода к Мстиславу («. . . а мене былъ с братомъ Богъ привель и володимерци и переяславци»; см.: Л., 380).³⁹

Однако же указание на место, где была заложена и закончена строительством церковь, представляется не позднейшей добавкой, но необходимой частью известия о такого рода событиях; отсутствие же указания на место, обесмысливающее сообщение, — результатом порчи текста. А. А. Шахматов, впрочем, писал об этом указании и как о пропущенном в общерусском источнике Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, «который в свою очередь заимствовал его из Переяславской летописи, но устранил слова „в Переяслави Новем“, подобно тому как позже составитель Радзивиловской летописи устранил под 1175, 1176 и 1177 гг. тенденциозные вставки переяславского летописца».⁴⁰ Получается, по А. А. Шахматову, что эти слова сначала были добавлены, а потом пропущены. Но не проще ли представить себе, что в Переяславской и Радзивиловской летописях это сообщение имеет не дополненный, но первоначальный вид, а в Лаврентьевской лишено своего конца? И кроме того, летописцу Переяславля-Суздальского естественно было бы назвать свой город просто Переяславлем и его жителей — переяславцами, как он это и делает в уже известных нам случаях, а также под 6721 (1213) и 6722 (1214) гг.: «. . . а Ярославу Переяславль. . .», «. . . и еха въ Переяславль. . .», «. . . приехавъ въ Переяславль. . .», «. . . и съзвавъ вси переяславци. . .», «И тако съде Ярославъ в Переяслави на столѣ, идѣ же родися», «. . . послася къ брату къ Ярославу въ Переяславль. . .», «. . . и съвокупя переяславци поиде. . .», «. . . а Ярослав к Переяславлю. . .» (П, 110—111); и что тоже естественно — пояснять название города, когда речь заходит об ином Переяславле, южном. Например: «Прииде Ярославъ изъ Русьскаго Переяславля. . .» (П, 108), «. . . пойти ему на столъ въ Русьскый Пере-

³⁶ Приселков М. Д. Лаврентьевская летопись. С. 86.

³⁷ Лурье Я. С. О происхождении Радзивиловской летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. Т. 18. С. 69.

³⁸ Там же. С. 78.

³⁹ Шахматов А. А. Исследование. С. 36.

⁴⁰ Шахматов А. А. Обозрение. С. 77; ср. также: с. 46, примеч. 1.

яславль», «. . . а Володимиръ въ Русьскый Переяславль и сѣде в нем» (II, 112). Так что слова «в Переяславле (в) Новем» не могут быть поставлены в ряд дополнений переяславо-суздальского летописца XIII в.

Что же касается предположительной добавки слов «и переяславци» в статье 6685 (1177) г., то стоит заметить, что в рассказе Лаврентьевской летописи о 70-х гг. XII в. северные Переяславль и переяславцы упоминаются неоднократно.⁴¹ И если бы, допустим, хоть одно из этих упоминаний отчего-то пропало под пером какого-нибудь писца на каком-то этапе передачи текста от неведомого нам владими́ро-суздальского источника Радзивиловской летописи к известному нам Лаврентьеву списку 1377 г., то число «переяславских дополнений» среди свидетельств влияния Переяславской летописи на Радзивиловскую, наверное, не ограничилось бы у А. А. Шахматова двумя. Да и можно ли считать прибавленными слова «и переяславци» в устах переяславского князя, говорившего как раз о том, кто дал ему, его брату, княжившему во Владимире, и ростовскому князю Мстиславу, к которому он обращался, власть: «Тобе ростовци привели . . . а мене былъ с братомъ Бог привель, и володимерци, и переяславци» (II, 379). Несомненно, эти слова первоначальны.

Удивительно, что в данном случае, в вопросе о соотношении Радзивиловской, Переяславской и Лаврентьевской летописей, мысль А. А. Шахматова не проделала ту же эволюцию, какую она проделала в объяснении сходства Радзивиловского и Московско-Академического списков: сначала, как мы помним, он полагал, что второй из них сделан с первого, но потом, обдумав возникшую при этом необходимость допустить, что Московско-Академический список в таком случае должен быть выправлен по источнику Радзивиловского, склонился к более простой картине, а именно решил, что эти списки независимо друг от друга отражают их общий источник («Радзивиловскую летопись» — протограф).

Итак, А. А. Шахматов не изменил своего мнения, что текст «Радзивиловской летописи объясняется вполне удовлетворительно как соединение текста Лаврентьевской и Переяславской летописей»,⁴² а мы согласиться с этим по изложенным выше причинам не можем. И это побуждает нас взглянуть более внимательно на сходства и различия Радзивиловской летописи с той и другой. Ведь она обладает большим рядом особенностей, сближающих ее то с Переяславской летописью и отличающих от Лаврентьевской, то с Лаврентьевской — и отличающих от Переяславской. Картина, надо сказать, обычная для случаев, когда тексты независимо друг от друга восходят к одному (не в смысле одного списка, а в смысле одного вида текста) общему источнику. Но как в данном случае обстоит дело, мы сможем решить, лишь сличив Радзивиловскую летопись с родственными ей летописными текстами на всем ее протяжении. Значит, помимо Лаврентьевской и Переяславской мы должны привлечь к сравнению и Ипатьевскую летопись XV в.,⁴³ содержащую, как и Радзивиловская и Лаврентьевская, «Повесть временных лет» и на протяжении XII в. пользовавшуюся северным, владими́ро-суздальским источником, родственным и Радзивиловской, и Лаврентьевской, и Переяславской летописям.

⁴¹ См. в Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. I, вып. 2) под 6683 (1175) г.: «Уведше же смерть князю ростовци, и суздальци, и переяславци. . .» (стб. 371); то же самое в Ипатьевской (ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. С. 595) под 6684 (1176) г.: «. . . и посади брата своего Всеволода в Переяславли» (стб. 379), под 6685 (1177) г.: «. . . а по переяславци посла Мстиславича Ярослав. . .» (стб. 380), «. . . и бывшу ему за Переяславль. . .» (стб. 382).

⁴² Шахматов А. А. Обзорение. С. 51.

⁴³ См.: ПСРЛ. СПб., 1908; Переизд. М., 1962. Т. 2.

2. Схождения и расхождения

Переяславская летопись дошла до нас без своей начальной части, лишь со статьи 6646 (1138) г.⁴⁴ И уже в этой ее статье есть то (известие о смерти и похоронах Евфимия Володимировны), чего нет в Радзивиловской, но что есть в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Но подойдем к этому году издали, начав с начала, — чтобы иметь необходимую для правильного восприятия перспективу.

Стремясь увидеть соотношение памятников летописания, мы будем учитывать разницу в смысле, в наличии или отсутствии фраз и целых сообщений, не беря в расчет незначительные разночтения, обязанные своим происхождением то поновлению лексики, то погрешностям писцов-копиистов.⁴⁵

Особенности, отличающие Радзивиловскую летопись от Лаврентьевской и сближающие с Ипатьевской, идут с самого начала и примерно по конец XI в.,⁴⁶ чередуясь с особенностями, отличающими ее от Ипатьевской летописи и сближающими с Лаврентьевской,⁴⁷ но также и с признаками (главным образом пропусками), отличающими ее и от той и от другой.⁴⁸

⁴⁴ Предшествуют ей в рукописи «Повесть временных лет», известия 1137 и 1143 гг., а также две выписки из «Повести временных лет» (1102 и 1110 гг.), причем все это — выборки из летописи, которая «носила название „Летописецъ русских царей“ и по многим данным принадлежала юго-западной Руси. . .» (Шахматов А. А. Исследования. С. 32).

⁴⁵ См.: Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII веков. 2-е изд. Л., 1983. С. 65—87.

⁴⁶ Это, во-первых, само название «Повесть временных лѣтъ черноризца Феодосѣева монастыря Печерскаго, откуда есть пошла Руская земля, и кто в ней почаль первое княжити», одинаковое в РА и Ип и иное в Л (Л, 1; Ип, 2); далее: отсутствующие в Л слова «в дни Нектана и Фалека. . . столпъ до небесе» (Л, 5; Ип, 4), «и въ ширину локот 5433 локти» (Л, 5; Ип, 4), «прогнавши Волохы, иж бѣша преж прияли землю Словенскую» (Л, 11, примеч. 34; Ип, 9), «всю власть Рюрикъ одинъ, и пришед ко Илмерю, и сруби городокъ надъ Волховом, и прозва Новъгород, и сѣде ту, князя, раздаа волости» (Л, 20, примеч. 49; Ип, 14); статья 6442 (934) г. целиком: «Первое придоша Угре на Царьград и пленоваху всю Фракию. Романъ сотвори миръ со Угры» (Л, 43; Ип, 9); под 6453 (945) г. слова «дворъ Воротиславль и Чюдин, а перевѣсице бѣ вън града, и бѣ вън града дворъ другый, идѣже есть» (Л, 55; Ип, 44), «на Искоростѣнь град, яко тѣе бяху убили мужа ея, и ста около града с сыномъ своимъ» (Л, 58; Ип, 46); под 6488 (980) г.: «Варяшко же видѣвъ, яко убьенъ бысть Ярополкъ, «много воева Володимера с Печенѣгы» (Л, 78; Ип, 66), «издалеча и собираетъ особъ богатство, и въставъ и от ноши» (Л, 81; Ип, 68); под 6492 (984) г.: «а по смерти же рече со женами похоть творити блудную» (Л, 84; Ип, 72), «и бѣ старейшина Неврод» (Л, 91; Ип, 78), «и рѣша вольсьви египетстии царю: родился есть дѣтище в жидѣхъ» (Л, 94; Ип, 81); под 6504 (996) г.: «и Володимиръ с малою дружиною изыде противу» (Л, 124; Ип, 109); под 6523 (1015) г.: «Гривну, а главу отвергоша прочь» (Л, 134; Ип, 120), «раduitася, светозарное солнце. . . въ славу мученикомъ» (Л, 139; Ип, 126), «и двина свѣтника, и мудра хитреца и» (Л, 140; Ип, 127), «а нынѣ быша надобе утерлъ слезъ, и рече имъ» (Л, 141; Ип, 128), «Руси и Печенѣгы, и изыде противу ему к Любичю об» (Л, 141; Ип, 128—129); под 6524 (1016) г.: «видивъ же Святополкъ и побеже, и одолѣ Ярослав» (Л, 142; Ип, 129); под 6527 (1019) г.: «се слышавше ту же казнь примут, но и больши сее, понеже вѣдая се сътворять» (Л, 145; Ип, 133); под 6532 (1024) г.: «и трудшася Варязи, секуще Сѣверъ» (Л, 148; Ип, 136), «еже бо полонилъ Болеславъ, победив Ярослава» (Л, 155; Ип, 143); под 6579 (1071) г.: «аще вас погублю, то мзда ми будетъ» (Л, 178; Ип, 168); под 6582 (1074) г.: «Антоий же, пришед к Чернигову» (Л, 193; Ип, 185); под 6597 (1089) г.: «и украси город Переяславский здании церковными» (Л, 209; Ип, 200); под 6602 (1094) г.: «В лѣто 6602. Сотвори миръ Святополкъ с Половци и поя собѣ жену Тугорканю, князя Половецкаго» (Л, 226; Ип, 216); под 6604 (1096) г.: «гнаста по нем. Олегъ же вбежа въ Стародубъ и затворись ту. Святополкъ и Володимеръ» (Л, 230; Ип, 220); под 6605 (1097) г.: «И Кияном, яко миръ будет, и начаша межи собою слати, и умиришася на семь, яко рѣша Святополку» (Л, 264; Ип, 238). Ср.: Шахматов А. А. Обзорение. С. 30—31, 62—64.

⁴⁷ См.: Шахматов А. А. Обзорение. С. 57—61.

⁴⁸ Далее указываю то, что, наличествуя в Л и Ип, отсутствует в РА: «присѣдяху къ Дунаевъ бѣ множество ихъ, сѣдяху бо» (Л, 13; Ип, 9); под 6406 (898) г.: «По сем же Угри прогнаша Вольхи» (Л, 25; Ип, 18); под 6453 (934) г.: «а я возвращающо похожю и еще. Пусти дружину свою домови» (Л, 54; Ип, 43); под 6488 (980) г.: «пристряпати къ граду бранью, а самъ мысля» (Л, 77; Ип, 65); под 6496 (988) г.: «имате плодъ вашъ въ священъе, тѣмже должни есмы работати Господеви» (Л, 120; Ип, 105), «умершую же

На границе же XI и XII вв. происходит перемена в соотношении летописных текстов. Далее в Радзивилловской мы уже не видим перемежающихся черт общности то с Лаврентьевской летописью, то с Ипатьевской, но то и дело отмечаем факт отсутствия уже не фрагментов фраз и рассказов, как было до сих пор, а преимущественно целых сообщений, наличествующих в той и другой⁴⁹ либо в одной Лаврентьевской⁵⁰ (кроме того, Ипатьевская летопись отсюда начинает все более и более превосходить Лаврентьевскую и Радзивилловскую количественно и, будучи южнорусской летописью, в дальнейшем постепенно отходит от них тематически).

Предшествующие этому рубежу различия могут быть объяснены работой множества переписчиков,⁵¹ с разной степенью точности переписывавших знаменитую «Повесть временных лет» — и последовательно, один за другим (и тогда ошибки прочтения, замены слов и выражений, невольные перестановки, пропуски, описки и поправки суммировались), и параллельно друг другу (и тогда появлялась разница в ошибках). С начала же XII в. мы имеем дело, несомненно, с гораздо менее популярным текстом, а потому здесь мы видим меньше разночтений, зато обнаруживаем разницу в количестве известий. Очевидно, это результат сознательного исключения ряда сообщений из общей для трех летописей основы создателями Радзивилловской или их предшественниками.

старѣйшему Вышеславу Новѣгородѣ, посадиша Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростовѣ» (Л, 124; Ип, 105); под 6500 (992) г.: «выпустиша Печенѣзи мужь свои» (Л, 123; Ип, 108); под 6504 (996) г.: «и сверши яже насади десница твоя новыя люди си» (Л, 124; Ип, 108); под 6532 (1024) г.: значительный рассказ о восстании волхов в Суздале, от слов «тогда. В се же лѣто. Въсташа волъсви в Суздали» до слов «и възвратися Ярослав приде Новуногороду» (Л, 147—148; Ип, 135); под 6545 (1037) г.: «азъ призвахъ страхъ Господень, мои свѣти, моя мудрость, мое утверженье» (Л, 152; Ип, 140); под 6562 (1054) г.: «межу собою, Богъ будеть в васъ и покоривыть вы противныя подъ вы» (Л, 161; Ип, 149—150); под 6579 (1071) г.: «тѣмже аще умреть челоувѣкъ, в землю итеть тѣло, а душа к Богу», «рече има Янь: какыи то Богъ сѣдя в безднѣ» (Л, 177; Ип, 166), «сице нама божи молятъ» (Л, 178; Ип, 167); под 6582 (1074) г.: «се же старецъ послѣ поужаше ис церкви» (Л, 190; Ип, 182), «и отидоша, поругавшеся ему» (Л, 193; Ип, 184), «и молитву творяше над нимъ» (Л, 194; Ип, 185); под 6599 (1091) г.: «и знаменавше мѣсто кдѣ копати» (Л, 209; Ип, 201), «отцемъ наслѣдникъ бывъ, послѣдовавъ ученью их и нраву их» (Л, 213; Ип, 205); под 6604 (1096) г.: «сѣкуще противныя, и сѣдя Господь въ тѣ день спасене велико, месяца» (Л, 231; Ип, 222), «сол свой из Новогорода» (Л, 237; Ип, 227); под 6605 (1097) г.: «Турова и Пиньска и прочих град твоихъ» (Л, 258; Ип, 232), «и боряшеся с нима крѣпко, и не можаста его поврещи» (Л, 260; Ип, 234), «слыша людье, яко в Турийскѣ суду» (Л, 268; Ип, 242); под 6609 (1101) г.: «месяца априля в 14 день в 9 час дне въ среду», «и послаша по Половцѣ, и сняшася у Сакова», «и попята тали межю собою» (Л, 274, 275; Ип, 250). Ср.: Шахматов А. А. Обзорение. С. 65—68.

⁴⁹ Под 6610 (1102) г. в РА нет сообщений о смерти Ярослава Ярополчича и о выдаче за Болеслава «в Ляхы» Сбыславы Святополковны (Л, 276; Ип, 252); под 6612 (1104) г. — о приходе митрополита Никифора, смерти Вячеслава Ивановича и посвящении Никифора на митрополичьем столе (Л, 280; Ип, 256); под 6614 (1106) г. — о пострижении Евпраксии Всеволодовны и Святослава Давидовича (Л, 281; Ип, 257—258); под 6615 (1107) г. — о смерти «Володимерой» княгини (Л, 281; Ип, 258), а также о смерти матери князя Святополка (Л, 282; Ип, 259); под 6616 (1108) г. — о смерти дочери Всеволода Катерины, и значительно короче — о вписании Феодосия в Синодик (Л, 283; Ип, 260); под 6617 (1108) г. — даты смерти и сообщения о похоронах Евпраксии Всеволодовны (Л, 283; Ип, 260), под 6620 (1112) г. — о смерти черниговского епископа Иоанна (Л, 289; Ип, 273); под 6622 (1114) г. — о поставлении епископом Даниила и смерти Святослава Владимировича (Л, 290; Ип, 277); под 6626 (1118) г. — о смерти переяславского епископа Лазаря (Л, 291; Ип, 285); под 6632 (1124) г. — подробностей затмения и сообщения о смерти Василко Ростиславича, «Святополчей» княгини и Володаря Ростиславича (Л, 293; Ип, 288—289); под 6634 (1126) г. — о смерти «Володимерей» княгини (Л, 296; Ип, 290); под 6635 (1127) г. — о погребении Изяслава Святополчича (Л, 299; Ип, 293); под 6642 (1134) г. — о смерти переяславского епископа Маркела (Л, 302; Ип, 295 — здесь: «Марко»). Ср.: Шахматов А. А. Обзорение. С. 65, 49.

⁵⁰ Под 6622 (1114) г. — о поставлении Кирилла епископом (Л, 290); под 6626 (1118) г. — о поставлении Сильвестра на место умершего переяславского епископа Лазаря (Л, 291); под 6630 (1122) г. — о смерти княгини «Мстиславлей» и переяславского епископа Даниила (Л, 292).

⁵¹ См.: Шахматов А. А. Обзорение. С. 57—68.

Не замечая после начала XII в. перемещений в соотношении памятников, мы подходим к 6646 (1138) г., которым начинается уцелевшая часть Переяславской летописи. С этого момента привлекаем к сравнению и Переяславскую летопись. И мы видим, что, начинаясь, эта летопись примыкает не к Радзивиловской, а к Лаврентьевской и Ипатьевской, и такое ее положение не изменяется до статьи 6683 (1175) г.⁵² включительно.

Напомним, что А. А. Шахматов говорил об «особенной близости Радзивиловской к Переяславской, в целом ряде случаев противопологающей их Лаврентьевской», указывая при этом на «общие пропуски сравнительно с Лаврентьевской, напр. под 1193, 1194, 1195, 1196, 1198, 1201; лишние против Лаврентьевской известия под 1138, 1197, 1205, 1203—1205; более или менее значительные отличия их против Лаврентьевской под 1144, 1175, 1177 и т. д.»⁵³ Как будто это противоречит нашим наблюдениям. Но не все в этих заметках верно. Здесь замечаю лишь, что под 1138 (6646) г. не Радзивиловская с Переяславской содержат лишнее против Лаврентьевской известие, но Лаврентьевская, Переяславская и Ипатьевская (Ип под 1139 г.) — против Радзивиловской (о смерти и похоронах Евфимии Володимировны), а в статье 1144 (6652) г. лишних известий ни там, ни там нет. Так что признаков особенной близости в содержании Радзивиловской летописи к Переяславской прежде, по крайней мере, статьи 1175 г. не обнаруживается.

А. А. Шахматов привел также ряд общих Радзивиловской и Переяславской летописям чтений начиная 1149 и кончая 1177 г., совпадающих то с Лаврентьевской, то с Ипатьевской.⁵⁴ Но все это — незначительные разночтения, обязанные своим происхождением огрехам писцов. При этом ученый как будто не считал заслуживающим внимания или не заметил большой ряд броских особенностей, противопоставляющих Радзивиловскую летопись Лаврентьевской, Ипатьевской и Переяславской в пространстве до 1175 г.

Отметим, что в исходных наблюдениях А. А. Шахматова есть неточности, относящиеся и к части летописного повествования, следующей за 6683 (1175) г., к которой мы сейчас обратимся. Так, под 6704 (1196), 6706 (1198) и 5709 (1201) гг. не Радзивиловская и Переяславская летописи имеют общие сравнительно с Лаврентьевской пропуски, а одна Радзивиловская сравнительно с Лаврентьевской и Переяславской (сообщение о рождении у князя Всеволода сына Гавриила — Л, 412; П, 102; слова «и постригъся и в скымъ бывъ» и сообщение о рождении у князя Всеволода сына Ивана — Л, 414; П, 104; сообщение о смерти и похоронах княгини «Ярославлей» — Л, 416—417; П, 105). В статье 5709 (1201) г. есть, кроме того, целый ряд общих черт у Радзивиловской и Лаврентьевской летописей, отсутствующих

⁵² Перечисляю отсутствующее в РА: под 6646 (1138) г. — сообщение о смерти и погребении Евфимии Володимировны (Л, 305; П, 53; Ип, 301 — здесь указано время смерти, но не сказано о погребении); под 6654 (1146 г.) — слова «в неделю» и последнее в статье сообщение о похоронах дочери Владимира Маринцы (Л, 333; П, 57); под 6659 (1151) г. — сообщения о том, что погребали Ростислава Гюргевича в Переяславле «братъ Андрей, Глеб и Мьстислав» и положили его «близъ стрья своего Андрея и Святослава» (Л, 330; П, 64; Ип, 418), и о том, как половец повернул Андреева коня, — период «един же половчнн. . . остави его вси половци» (Л, 333; П, 65; Ип, 431), а кроме того — период от слов «зане бѣ старѣи тогда» до слов «и дружину свою» (Л, 333—334; П, 66; Ип, 437), период «вышедшим же переяславским пешим. . . приведешъ пакы на ны половци» (Л, 335; П, 66; Ип, 442—443), а также слова «Андрей же рече. . . в волость свою Володимерю» (Л, 335; П, 66); под 6666 (1158) г. — указание на день святого апостола Родиюна, вторник (Л, 348; П, 73; Ип, 491); под 6676 (1168) г. — слова «и поможе Богъ и святая Богородица и отня и дѣдья молитва князю Мстиславу Андрѣевичу с братью своею» (Л, 354; П, 76; Ип, 544); под 6677 (1169) г. — большая часть большого рассказа о Феодорце (от слов «В то же лѣто чудо створи» до слов «будет проклят, тако») (Л, 355—357; П, 76—78; Ип, 551—554); под 6683 (1175) г. — слова «Анбал Ясин ключник, Якым Кучкович» (Л, 369; П, 83; Ип, 586).

⁵³ Шахматов А. А. Обозрение. С. 10.

⁵⁴ Там же. С. 77—78, примеч.

в Переяславской, в том числе сообщение о смерти черниговского князя Владимира (Л, 416). В статье же 6701 (1193) г. в Радзивиловской и Переяславской действительно опущено — сравнительно с Лаврентьевской летописью (Л, 416) — поучение, следующее за сообщением о пожаре во Владимире, но считать это место началом ряда общих пропусков Радзивиловской и Переяславской реальных оснований нет.

Продолжим наши наблюдения. Хотя и за статьей 6683 (1175) г. более или менее регулярно встречаются общие избытки Лаврентьевской и Переяславской летописей относительно Радзивиловской,⁵⁵ однако же параллельно в Радзивиловской с этого момента обнаруживается то, что есть или только в Лаврентьевской,⁵⁶ или только в Переяслав-

⁵⁵ Под 6684 (1176) г. — слово «Всеволод» (Л, 379; П, 88); под 6688 (1180) г. — сообщение о смерти и погребении Мстислава Ростиславича (Л, 387; П, 92; ср.: Ип, 609); под 6691 (1183) г. — о смерти и погребении княгини Ольги-Евфросины (Л, 389; П, 93; Ип, 624); под 6693 (1185) г. — слова «освятившися, не разумехом, куплени бывше» (Л, 393; П, 95), «святое Богородици. . . и отца своего» (Л, 395; П, 96), «в понеде́льник. . . Евдокима Новаго», «над врагы», «оружья добыша и конь и възвратившася» (Л, 396; П, 96); под 6694 (1186) г. — сообщение о рождении Константина Всеволодовича (Л, 396—397; П, 96) и слова «по 3 дни не пустили бяху ихъ к водѣ» (Л, 398; П, 97); под 6695 (1187) г. — слова «на пренесенье святою мученику Бориса и Глѣба» (Л, 404; П, 100); под 6697 (1189) г. — сообщение о смерти княжича Глеба (Л, 407; П, 101); под 6698 (1190) г. — слова «на память святого пророка Захарьи» (Л, 408; П, 101), «и тогда сущу князю великому в Переяслави в полюдьи» (Л, 408—409; П, 101); под 6700 (1192) г. — «сыну его Георгиеви» (Л, 409; П, 101); под 6702 (1194) г. — «в канунъ святого Дмитрия» (Л, 412; П, 102; ср.: Ип, 674); под 6703 (1195) г. — сообщение о том, что был срублен город Переяславль (Л, 412; П, 102); под 6704 (1196) г. — о рождении Всеволода-Гавриила (Л, 412; П, 102, за исключением слов «на память. . . Матроны»); под 6706 (1198) г. — слова «и поспригъся и в скымѣ бьвъ» и сообщение о рождении у Всеволода сына Иоанна (Л, 414; П, 104 — опять-таки за исключением слов «на память. . .»); под 6707 (1199) г. — слово «великий» (Л, 414; П, 104); под 6708 (1200) г. — «лѣпшиѣ мужи, Мирошчина чадѣ», «с поклоном и с молбою всего Новгорода», «князь же великий здумав. . . на всей своей воли, ку чудное святое Богородицы с радостию великою» (Л, 415—416; П, 104—105); под 6709 (1201) г. — слово «великою» и сообщение о смерти и похоронах княгини «Ярославлей» (Л, 416—417; П, 105); под 6710 (1202) г. — о смерти и похоронах княгини Февроньи Михалковой (Л, 417; П, 105); под 6711 (1203 г.) — слова «на память святого Силвестра пашы Римскаго» (Л, 418; П, 105).

⁵⁶ Под 6683 (1175) г. — слова «Всеволода», «брата», «съ благородными дѣтми» (Л, 371); под 6684 (1176) г. — «сѣмо» (Л, 375), «не хотяху створити правды Божия, но, «намъ», «завистью» (Л, 378), «и ѿха опять (РА: «възвратистася къ) Володимерю» (Л, 379); под 6690 (1182) г. — «Володимеръ» (Л, 388; П: «Суздаль»); под 6695 (1187) г. — «и стоя в монастыри у Вознесеня на самый празникъ Вознесеня Господня», «и Свято-славли мужи, и Ярославли, брата его, Всеволодичю Ольгову внуку», «к Роману и Игорю: Володимеру, Святославу и Ростиславу», «а брань славна лучшии есть мира студна, со лживым миромъ живуще велью пакость землям творять», «Юргевичъ Володимеръ внукъ Мономаховъ», «но аще безаконья наша назриши. . . подвижане на зло», «и Соломонъ премудрый глаголетъ. . . ни по грѣхом нашим въздасть намъ человекъ-любець» (Л, 404—406); под 6696 (1188) г. — «с ними с честью великою Новугороду», «Давид», «призирая на землю. . . жестокая по дѣлом ихъ» (Л, 406—407); под 6697 (1189) г. — «и сынѣ его Костянтиѣ», «и бысть радость велика в градѣ Володимери, и священна бысть» (Л, 407); под 6698 (1190) г. — «якоже Господь глаголетъ. . . пастуха всей земли Ростовской и Суздальской и Володимерской» (Л, 408), «на канунъ святого Олексѣя человекѣа Божья и друга Божья Лазаря» (Л, 408); под 6700 (1192) г. — «и бысть радость велика в градѣ Суздали, ту сущу блаженному епископу Иоанну» (Л, 409); под 6701 (1193) г. — «избавленъ (РА: «соблюденъ») бысть от пожара» (Л, 409); под 6702 (1194) г. — «и бысть радость велика в градѣ Володимери» (Л, 411; Ип, 673); под 6703 (1195) г. — «Рязаньскій» (Л, 412; П, 102: «Брянскій»); под 6704 (1196) г. — «на память святого апостола Фомы, и бысть радость велика в градѣ Володимери», «на память святого мученицы Капетолины», «на память святого мученика Акепсими», «на память святого отца Григорья Нисскаго» (Л, 413—414); под 6707 (1199) г. — «христоролюбивый», «на память святого мученика. . . и бысть радость велика в градѣ Володимери» (Л, 414—415); под 6708 (1200) г. — «на память. . .», «блаженнем», «на память святого отца Спиридона», «Костянтинъ», «Ярослав, Володимер, и бысть радость велика в градѣ Володимери» (Л, 415—416); под 6709 (1201) г. — слова «Юргевич, внукъ Володимеръ Мономаха», «на память. . .», «тогда сущу великому князю в Переяслави з дѣтми своими с Костянтином и Юргемъ», «братья же проводиша», «и бысть радость велика в градѣ Переяславши» и сообщение о смерти черниговского князя Володимера (Л, 416); под 6710 (1202) г. — «ту сущу великому князю Всеволоду и сыну его Костянти-

ской.⁵⁷ Со статьи этого же года начинают встречаться смысловые исправления, следы активного вторжения в текст пера редакторов. Очевидно, отсюда пошла гораздо более актуальная для них часть повествования. Первый из случаев смыслового расхождения видим уже в самой этой статье: летописи различаются молитвенным обращением к Андрею Боголюбскому.⁵⁸ Надо сказать, отредактировано обращение не только в Переяславской летописи относительно Радзивиловской и Лаврентьевской, но и в этих двух — относительно Ипатьевской. Ср.:

И п а т ь е в -
с к а я
(594—595)

Р а д з и в и л о в с к а я
Л а в р е н т ь е в с к а я
(374)

П е р е я с л а в с к а я
(85—86)

... Богу молися помилувати брата свою, подасть имъ побѣду на противнѣхъ и мирную державу и царство честно и многолѣтно во вся вѣки вѣкомъ аминь.

... Богу молися помилувати князя нашего и господина Всеволода, своего же приснаго брата, да подасть ему побѣду на противныя, и многа лѣта с князьнею и с благородными дѣтми, и миру державу ему (его — РА) и царство его (небесное — РА) и ныня и присно в бесконечныя вѣки аминь.

... Богу молися помилувати князя нашего и господина Ярослава, своего же приснаго сыновца, и дай же ему на противныя, и многа лѣта съ князьнею, и прижитие дѣтий благородныхъ, и миру державу его и царство небесное въ бесконечныя вѣки аминь.

Очевидно, что Ипатьевская летопись сохраняет первоначальный вариант мольбы к Андрею Боголюбскому, написанный когда были живы и правили во Владимиро-Суздальской земле еще оба его брата, Михалко и Всеволод, г. е. в 1176 г. Летописи же Радзивиловская и Лаврентьевская представляют вариант вторичный, возможный не ранее 1177 г., когда после смерти Михалко во Владимире начал княжить Всеволод Большое Гнездо. К тому времени он уже имел жену и детей: в 1179 г. родилась его четвертая дочь Пелагея-Сбыслава (Ип, 613), так что уже в 1177 г. он мог быть упомянут «с князьнею и с благородными дѣтми», если только не имелись в виду его сыновья, которые рождались у него позже дочерей (в 1186 г. — Константин, в 1189 г. — Георгий, в 1190 г. — Ярослав, в 1194 г. — Владимир, в 1196 г. — Гавриил, в 1198 г. — Иван). Этот вторичный вариант мольбы не мог быть написан позднее 1206 г., когда первая жена Всеволода, мать его детей, аланка княгиня Мария умерла (сообщение о ее смерти — последнее в Радзивиловской летописи). Переяславская же содержит третий вариант обращения, как отмечено К. М. Оболенским, — периода 1212—1219 гг., когда княживший в Переяславле-Залесском Ярослав Всеволодович был еще бездетным.

В Переяславской летописи есть и другие следы работы переяславского редактора над статьей 6683 (1175) г. Этот редактор старался что-то сказать

тину, и Юргню, и Володимеру» (Л, 417); под 6713 (1205) г. — «юже бѣ создала великая княгини и блаженная Всеволожа» (Л, 421); под 6714 (1206) г. — «на память святое мученици Евдокии» (Л, 421).

⁵⁷ Под 6683 (1175) г. — слова «и Суждалцем, и Муромцем» (Л, 374; П, 86; Ип, 598); под 6684 (1176) г. — «винами» (в Л и Ип «вирами»), в тринадцати случаях около имени Михалки — имя его брата Всеволода, «вороти», «и Полочане», «река» (Л, 374—379; П, 86—88); под 6685 (1177) г. — «и Переяславци» (Л, 380; П, 89), «и пустиша ею из земли» (Л, 385—386: «хочемъ слѣбити и. . . множества ихъ ради клича»; П, 91); под 6693 (1185) г. — «априля 13» (Л, 392: «априля въ 18 день»; П, 94; Ип, 630); под 6696 (1188) г. — «детен» (Л, 407: «чади»; П, 101); под 6705 (1197) г. — сообщение об изгнании новгородцами княжеского свояка Ярослава и приглашении Ярослава Черниговского и о том, что великий князь посадил свояка в Новом Торжке (Л, 414; П, 103; ср.: Ип, 702); под 6707 (1199) г. — слова «прочъ», «становищемъ» (Л, 414: «к морю», «зимовищемъ»; П, 104); под 6713 (1205) г. — «о целовании креста Ольговичами к великому князю Всеволоду, к его сыновьямъ и к Роману» (Л, 421; П, 107); под 6714 (1206) г. — «а Святослава выведе к собѣ», сообщение о пострижении великой княгини Марии «Всеволожей», слова «пребысть бо в монастыри. . . поиде к Богови», «плачущюся», «и Юрью сыну ея плачущюся. . . и положиша ю в церкви святыя Богородицы» (Л, 421—425; П, 107—108).

⁵⁸ См выше, с. 60.

в защиту своих сограждан, воевавших в том году против Михалко и Всеволода, и вставил: «А переяславцемъ не хотящимъ его, но хотѣша Михалка съ братомъ его Всеволодомъ», «Переяславци же не от сердца идяхуть, но принуждениемъ ростовскимъ», «А съ переяславци имяхуть володимерци едино сердце» (II, 85—86). Очевидно, тот же редактор в статье следующего года (автор-владимирец писал там о призыве из Чернигова Михалко и Всеволода, отмечал, что владимирцы «яшася по правду», а сверх того заявлял: «. . . володимерци прославлени Богом по всей земли за их правду, Богови имъ помагающую») три раза присовокупил к владимирцам «и переяславцев» (ср.: I, 375—379; II, 86—88). Он кое-что при этом и выпустил, изменив тем самым точку зрения повествователя: в Лаврентьевской и Радзивилловской летописях рассказ идет от лица владимирцев и естественным образом говорится «сѣмо Володимерю» (I, 375), «не хотящим намъ добра завистью, граду сему и живущим в немъ» (I, 378); «сѣмо» и «намъ» в Переяславской летописи отсутствуют (II, 86—87). Кроме того, в статье 6690 (1182) г., наверное, он заменил г. Владимир на «Суждалъ» (I, 388; II, 93), а в статье 6697 (1189) г. в рассказ об освящении церкви во Владимире почему-то вставил слова «въ градѣ Ростовѣ» (I, 407; II, 101). Но вот отсутствующие в Лаврентьевской летописи слова «и суждалцемъ и муромцемъ» во фразе «Не противу же Ростиславичемъ бяхуся володимерци, но не хотяще покоритися ростовцемъ и суждалцемъ и муромцемъ. . .» (1175 г., I, 374; II, 86) вставил не он, ибо они есть и в Ипатьевской летописи (Ип, 598); просто они пропущены в Лаврентьевской. Не является также ни редакторской правкой, ни смысловым различием указанное А. А. Шахматовым следующее отличие Лаврентьевской летописи от Переяславской и Радзивилловской: «. . . под 1196 г. каменная церковь заложена, по Лаврентьевской, во имя Акима и Анны, а по Переяславской и Радзивилловской во имя зачатия Богородицы». ⁵⁹ Иоаким и Анна — родители Богородицы, праздник ее зачатия — их праздник.

Среди особенностей статей Радзивилловской и Переяславской летописей 6684 и 6685 (1176 и 1177) гг., отличающих их от соответствующих статей Лаврентьевской, есть и смысловые, и не меняющие смысла. Границу между ними иной раз трудно провести. К смысловым относится сообщение под 6685 (1177) г. об ослеплении Ростиславичей. Вместо слов Лаврентьевской «. . . хотимъ слѣпити и! Князю же Всеволоду печалну бывшю, не могшю удержати людии множества ихъ ради клича» (I, 385—386) в Радзивилловской и Переяславской читаем: «И пустиша ею из земли» (II, 91). Вариант Ипатьевской (605) «И потомъ, изведше я и слепивше, пустиша» наводит на мысль, что мы имеем три вида сокращения одного и того же рассказа (в Лаврентьевской, заметим, он оборван, не дописан). Скорее всего имеет место пропуск в Радзивилловской и Переяславской, а не добавка в Лаврентьевской летописи, ибо и в Ипатьевской говорится о том, что люди у князя требовали, чтобы он или убил, или ослепил пленников. Разумеется, пропуск этот далеко не бессмыслен, но ничего специфически переяславского в нем нет.

Статью 6684 (1176) г. Радзивилловской и Переяславской летописей отличают излишние сравнительно с Лаврентьевской слова «и Полочане» в перечне горожан, у которых существовало вече («Новгородци бо изначала и Смолняне и Кыяне. . .» — I, 377; II, 87). Редакторская ли это добавка? Скорее, опять пропуск в Лаврентьевской. Кроме того, сверх Лаврентьевской, рядом с именем Михалко в этих летописях тринадцать раз помещается имя его младшего брата Всеволода. Если это добавки редактора, то скорее редактора владимирского, работавшего в промежутке 1177—1206 гг., нежели переяславского 1213—1219 гг. Но нет уверенности и в том, что это добавки, ибо, во-первых, они ничего не меняют

⁵⁹ Шахматов А. А. Обозрение. С. 48.

в смысле рассказа: согласно Лаврентьевской летописи, Михалко пришел из Чернигова «с братом Всеволодомъ», вместе с ним одержал победу над Ростиславичами, и владимирцы «выидоша же с кресты противу Михалку и брату его Всеволоду» (Л, 375 и 377); а, во-вторых, ту же самую формулу «Михалко с братом его Всеволодомъ» мы встречаем пять раз в Ипатьевской летописи, причем — в пяти д р у г и х по сравнению с Лаврентьевской случаях, из которых три совпадают с «излишествами» Радзивиловской и Переяславской («Михалку же dospъвающе с братомъ Всеволодомъ», «поможе Богъ Михалку и брату его Всеволоду», «потом же Михалко и Всеволодъ поѣхаста въ Володоимирь» — Ип, 600—602). Рассказ Ипатьевской, заметим, значительно короче, чем повествование севернорусских летописей, но несомненно, что он восходит к общей с теми основе. И в данном случае в разных летописях она по-разному сокращена. В Лаврентьевской, очевидно, — позднейшими редакторами. А. А. Шахматов думает, что в данном случае «в Ипатьевской летописи отразился Суздальский (Владимирский) свод, более поздний, чем тот, который лег в основание Лаврентьевской».⁶⁰ Но мы видели, говоря о молитвенном обращении к Андрею Боголюбскому, несомненно более ранние черты во владими́ро-суздальском тексте Ипатьевской летописи. Подобным может быть и этот случай. Как бы то ни было, свидетельствовать о присутствии в Радзивиловской летописи добавлений переяславского редактора он тоже никак не может.

А. А. Шахматов указывает как на результат редакторского недоразумения (относя это недоразумение на счет владимирского редактора девяностых годов XII в.) на два рассказа о борьбе с половцами южнорусских князей — под 6677 (1169) и 6679 (1171) гг. Он считает, что речь в них идет об одном и том же событии и что сначала во владимирской летописи (в «своде 1185 г.») находился только первый из них, почерпнутый из Летописца Переяславля Южного, а потом, в 1192—1194 гг., появился и второй, почерпнутый из другой летописи того же Южного Переяславля. Вставляя этот рассказ, владимирский редактор привычным образом, «следуя обычному своему приему», к имени Михалко, или Михаила Юрьевича, приписал два раза имя его брата Всеволода (Л, 363; II, 80—81).⁶¹ В таком случае очень странно присутствие не одного только первого (под 1172 г.), но и второго из этих рассказов в южнорусской Ипатьевской летописи (под 1173 г.), причем с пятикратным упоминанием рядом имен братьев Михалки и Всеволода (Ип, 562—563). Никак нельзя вместе с А. А. Шахматовым быть уверенным, что речь оба раза идет об одних и тех же событиях: в рассказах есть схожие элементы, но различий там больше (в частности, в первом из них рядом с именем Михалки имя Всеволода не упоминается ни разу). А стало быть, сомнительно и существование двух летописцев Переяславля Южного, и то, что второе из этих сообщений было вставлено в летопись редактором позже, в девяностых годах XII в.

Вернемся теперь к различиям занимающих нас летописей. В Лаврентьевской под 6708 (1200) г. новгородцы, прося у Всеволода Большое Гнездо его сына к ним княжить, называют его по имени и отчеству: «Ты — господи́нь, князь великий Всеволодъ Гюргевичъ» (415). Согласно же Переяславской, они величают его именами его отца и деда: «Ты — господи́нь, ты — Гюрги, ты — Владимиръ» (104). А в Радзивиловской летописи имена деда и отца Всеволода соседствуют в обращении с его собственным именем: «Господи́не, ты еси Володимиръ, ты — Юрьгий, ты, Всеволодъ». Радзивиловская как будто соединяет варианты Лаврентьевской и Переяславской летописей или более полно передает то, что по-разному сокращено в них. Заметим, что тогдашняя дипломатическая манера почтительного приравнивания человека к его или своим старшим родственникам (означающая готовность ему подчиниться) отражена во всех сопоставляемых

⁶⁰ Там же. С. 75.

⁶¹ Там же. С. 53—54; ср.: Шахматов А. А. Исследование. С. 73—79.

нами памятниках. Так, под 6688 (1180) г. в Лаврентьевской, Радзивиловской и Переяславской летописях говорится: «Присластася Глѣбовича, Всеволод и Володимеръ, ко Всеволоду Юргевичу, рекуще: Ты — господинъ, ты — отецъ, брат наю старѣйпий. . .» (Л, 387; П, 92); и под 6694 (1186) г.: «Они же, слышавше, оже хочеть ити на нь Всеволодъ, послаша к нему, глаголюще: Ты — отецъ, ты — господинъ, ты — брат. . .» (Л, 403; П, 99). Следуя этим традициям, переяславцы в Переяславской летописи под 6721 (1213) г. величают уже сына Всеволода, Ярослава, именно его отца: «Ты — нашъ господинъ, ты — Всеволодъ» (110). Заметим также, что статья 6708 (1200) г. Радзивиловской летописи имеет ряд мелких особенностей, сближающих ее с более полной статьей Лаврентьевской (слова «на память святаго мученика Кюрика и Улиты», «блаженнѣмъ» — о епископе Иоанне, «на память святаго отца Спиридона», «Костянтинъ . . . и бысть радость в градъ Володимери», отсутствующие в Переяславской), но и та же статья Переяславской имеет ряд черт, общих с Лаврентьевской летописью и отсутствующих в Радзивиловской (слова «лѣпшии мужи, Мирошчина чадъ», «с поклоном и с молбою всего Новгорода», «князь же великий здумав. . . на всей своей воли», «у чудное святое Богородици с радостию великою», «с честью»). Кое-какие пропуски против общего исходного текста встречаются, как мы видели, и в Лаврентьевской. Очевидно, случай с обращением новгородцев к Всеволоду — из их числа. Смысловой разницы при этом не получилось, скорее — стилистическая: оказалась утраченной фигура речи. Представить себе обратное — что метонимия была создана позднейшим редактором — невозможно.

Как видим, иной раз не с первого взгляда возможно решить, что перед нами — след редактуры, стремления писца упростить свою работу или результат его бессознательного огреха; однако же несомненно то, что начиная со статьи 6673 (1175) г. изменяется не только «грушировка» летописей по степени близости, но и сам характер их отношений: появляются меняющие смысл исправления, сделанные разными редакторами.

3. Вторичные тексты

Есть и другой признак, указывающий приблизительно на то же время как на рубеж в истории владими́ро-суздальского летописания: начиная со статьи 6685 (1177) г. в тексте Радзивиловской, Лаврентьевской и Переяславской летописей появляются заимствования из текста «Повести временных лет». На них обратил внимание более 128 лет тому назад автор статьи «Обзор русских летописцев в содержании и характере их, преимущественно церковно-историческом»; об откликах владими́ро-суздальского летописца на упоминаемые им события он написал: «Разглагольствования его вышли не из собственного мышления; это чужие мысли, порожденные другими обстоятельствами, не понятые, не прочувствованные и не приспособленные к современности, а насильно приложенные к событиям и лицам другого времени и местности. . . Большая часть рассуждений взята суздальским летописцем из Нестора, у которого они полны намеков на тогдашнюю жизнь, приведены к стати, обмыслены и усвоены; тогда как у суздальского недостает даже искусства воспользоваться ими: он сводит мысли Нестора из разных мест в одно, или рядом стоящие разводит по разным местам». ⁶² Речь идет о восьми пространных компиляциях в статьях 6685 (1177), 6686 (1178) и 6693 (1185) гг. в общем тексте Лаврентьевской, Радзивиловской и Переяславской летописей, почерпнутых из одиннадцати мест «Повести временных лет» (см. рис. 3). ⁶³ Кроме того, автор («Обзора»

⁶² Православный собеседник. 1860. Ч. 1. С. 385.

⁶³ 1) «. . . помысливше високоумьем своим, не вѣдуще. . . поне то есть глава земли» — 6685 (1177) г. (Л, 384; П, 89); ср.: «помыслив високоумьем своимъ, не вѣдый. . . понеже то глава есть земли» — 6523 (1015) г. (Л, 139—140); 2) «и многы церкви запали огнемъ. . . трепетаху, зряще убиваемыхъ» — 6685 (1177) г. (Л, 383; П, 90);

отметил, что «происшествия до 1170 года по Лаврентьевскому списку нисколько не связаны между собою, и нет ничего между ними общего. Но с этого времени все описания событий, исключая последние краткие заметки, имеют общее то, что все вращаются около Всеволода и его семейства».⁶⁴ Напомним, что М. Д. Приселков, основываясь на распределении в Лаврентьевской летописи южнорусских известий и на общих соображениях, датировал первый владимирский свод 1177 г.⁶⁵ Но мы видели, что Ипатьевская летопись хранит мольбу к Андрею Боголюбскому о его братьях, возможную только в 1176 г. Наши наблюдения заставляют думать скорее о том, что в 1175—1177 гг. работа над владимирским летописанием активизировалась, а с 1177 г. приобрела отчасти новый, допускающий компиляцию характер. «Первое, что обращает на себя внимание, — как сообщил мне О. В. Творогов, — что обращения к „Повести временных лет“ в основном группируются на протяжении статей 1177—1185 гг., т. е. можно полагать — перед нами тенденция, прием одного из составителей летописного свода, сохранившегося в составе Лаврентьевской летописи (также в Радзивилловской и Переяславской. — Г. П.), причем составителя, работавшего именно над статьями этого десятилетия». Может быть, этот летописец начал работать еще при жизни Михалко, но может быть — только с утверждением во Владимире Всеволода. Во всяком случае, мне кажется, ясно, что, откровенно черпая целые периоды из киевской летописи, этот владими́ро-суздальский летописец достаточно ясно и прямо указывал, на что он ориентируется как на образец и сознательным продолжателем какого летописания он выступает.

А. А. Шахматов полагал, что статьи 1176, 1177 и 1185 гг. Лаврентьевской летописи имеют признаки большей древности, нежели Радзивилловской

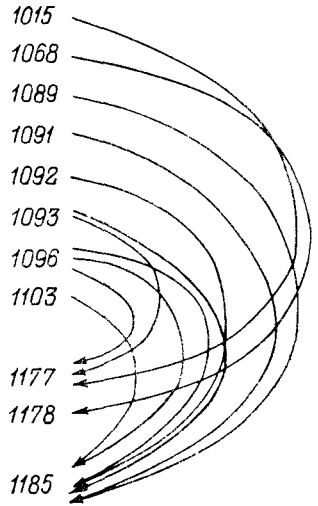

Рис. 3.

ср.: «и многы церкви запалиша огнем... трепетахуть, зряще убиваемых» — 6601 (1093) г. (Л, 223); 3) «тѣм же и мы, послѣдующе Давиду пророку... оскверниша святыи дом твой» — 6685 (1177) г. (Л, 384—385; П, 91); ср.: «тѣм же и мы, послѣдующе пророку Давиду... оскверниша и пожгоша святыи дом твой» — 6604 (1096) г. (Л, 233); 4) «тѣм же пророкомъ глаголетъ нам... а злобъ вашихъ не могохъ истерти» — 6686 (1178) г. (Л, 386; П, 91); ср.: «тѣм же пророкомъ нам глаголетъ... а злобъ вашихъ не могохъ истерти» — 6576 (1068) г. (Л, 168); 5) «Бысть же съ мужь молчалив, милостивъ к убогимъ... и за землю Ростовскую, иже» — 6693 (1185) г. (Л, 391—392; П, 94); ср.: «Бысть же Иоан мужь хытръ книгамъ и ученью, милостивъ убогимъ... кротокъ, молчалив» — 6597 (1089) г. (Л, 208), «добраго пастуха, иже пасяше словесныя овца... божьню помощью молися» — 6599 (1091) г. (Л, 212), «за поручение ему стадо... за землю Русьскую, иже» — там же (Л, 213); 6) «Се же ся здѣя грѣхъ ради наших... внити в царство небесное» — 6693 (1185) г. (Л, 392—393; П, 94—95); ср.: «Се же бысть за грѣхы наша... прочихъ злыхъ дѣлъ неприязни» — 6600 (1092) г. (Л, 215), «Богъ кажетъ рабы своя... внити в царство небесное» — 6604 (1096) (Л, 233); 7) «едино прѣщенье, едина казнь... паче инѣхъ казными есмы» — 6693 (1185) г. (Л, 393—394; П, 95); ср.: «едино прѣщенье, едина казнь... яко створихом, тако и стражем» — 6601 (1093) г. (Л, 223—224), «но обаче надѣмся на милость... благому Владыце казати» — там же (Л, 224), «неиздреченному челоуколюбью» — там же, «понеже хотяще уклонихомся отъ заповѣдий... плачь по всѣмъ улицамъ упространися» — там же, «да никто же дерзнетъ рещи... в летоу паче инѣхъ казными есмы» — там же (Л, 225); 8) «В 31 день... сдѣя Господь спасения велико... оружья добыша и конь» — 6693 (1185) г. (Л, 396; П, 96); ср.: «И сдѣя Господь в тѣ день спасение велико... Побѣжиши быша иноплеменици» — 6604 (1096) г. (Л, 231—232), «и рече Володимер... Взяша бо тогда скоты, и овцѣ, и конѣ» — 6611 (1103) г. (Л, 279).

⁶⁴ Обзор русских летописцев... // Православный собеседник. С. 432.

⁶⁵ Приселков М. Д. История. С. 64—78.

п Переяславской, и обратил внимание на то, что начиная с 1186 г. князь Всеволод Юрьевич именуется в летописи великим князем, а на этом основании высказал мысль о существовании владимирского свода 1185 г., отраженного в Лаврентьевской летописи.⁶⁶ В пользу этой мысли говорит то, что после 6683 (1185) г. картина с заимствованиями, вторичными текстами, меняется: в двух следующих статьях опять обнаруживается несколько цитат, однако уже не из «Повести временных лет», а из соседней, предыдущей статьи 6693 (1185) г.⁶⁷ (см. рис. 4). На это явление обращал внимание и автор «Обзора русских летописцев. . .»: «Наконец, в суздальской летописи встречаются постоянно повторения одних и тех же мыслей и одних выражений», — отметил он.⁶⁸ В чем тут может быть дело? Наскучив выискиванием подходящих сентенций в «Повести временных лет», летописец начал повторять самого себя?

Рис. 4.

Вероятней кажется, что летописца, ориентировавшегося на Нестора или Сильвестра, сменил человек, столь же откровенно бравший за образец своего непосредственного предшественника. Так или иначе, этот ряд переносов заставляет думать о 1185 г. как о каком-то рубеже во владимирском летописании.

Наблюдения А. А. Шахматова над пропусками в Радзивиловской и Переяславской сравнительно с Лаврентьевской начиная с 1193 г. (об их неточности мы уже говорили) навели его на мысль о существовании владимирского свода 1192 или 1193—1194 гг., отраженного в Радзивиловской и Переяславской летописях.⁶⁹ М. Д. Приселков датировал второй владимирский свод, можно сказать, тем же временем — 1193 г.⁷⁰ В пользу этих гипотез наши наблюдения ничего не добавляют.

4. Рубеж 1206 г.

О датировке этими исследователями и Ю. А. Лимоновым владимирского свода начала XIII в. речь шла раньше. Здесь же я хочу указать на тот очевидный факт, что все три вида близкородственного текста, мыслимые нами как источники четырех реально дошедших до нас памятников — Радзивиловского, Московско-Академического, Архивского и Лаврентьевского списков, дружно оканчиваются на 1206 г. Представляется, стало быть, возможным говорить о сохраняемой этими памятниками в несколько различном виде с разной в разных местах степенью полноты и точности одной и той же владимирской, доведенной до 1206 г. летописи, или о Владимирском своде 1206 г.

Оканчивался он прочувствованным известием о смерти первой жены Всеволода Большое Гнездо Марии. Не ее ли заботами составился и иллюстрировался этот свод? Как известно, спустя пять лет, в 1211 г., ве-

⁶⁶ Шахматов А. А. 1) Исследование. С. 71—73; 2) Обзорение. С. 11—12.

⁶⁷ 1) «Се же и здѣся грѣх ради наших. . . да ны избавить от неприязни» — 6694 (1186) г. (Л, 400; П, 98); ср.: «Се же ся здѣя грѣх ради наших. . . грѣси наши и не правды» — 6693 (1185) г. (Л, 392), «Богъ бо казнить рабы своя. . . и иными различными казньми» — там же (392—393), «хрстьяномъ бо многыми напастъми вниги въ царство небесное» — там же (393), «Согрѣшихом казними есмы. . . кажець ны добръ Владыка благий» — там же, «Да никто же дерзнетъ рещи. . . в лѣпоту паче инѣх казними есмы» — там же (394); 2) «Богъ бо казнить рабы своя. . . водою и огнемъ» — 6695 (1187) г. (Л, 405; П, 100); ср.: «Богъ бо казнить рабы своя. . . огнемъ и водою» — Л, 392—393 (это же место использовано в предыдущей статье); 3) «Но аще безаконья наша назриши. . . подвизанье на зло» — 6695 (1187) г. (Л, 405; в П нет); ср.: «Аще бо безаконья назриши. . . движенье на зло» — 6693 (1185) г. (Л, 393). Кроме того, обращает на себя внимание повторение в статье 6695 (1187) г. слов предыдущей статьи: «Брань славна луче есть мира студна. Съ лживымъ же миромъ живуще, велику пакость землямъ творять». — Ср.: Л, 403 и 405.

⁶⁸ Обзор русских летописцев. . . С. 439.

⁶⁹ См. выше, с. 65, 69.

⁷⁰ Приселков М. Д. История. С. 64—82.

ликий князь Всеволод вступил во второй брак с дочерью витебского князя Василька Брючиславича. Об этом скупо сказано («Приведоша княгыню. . .») в Переяславской летописи. Очевидно, новая великая княгиня для летописцев была несравнимо более далеким, чем Мария, человеком (и равным образом, наверное, — летописание для нее).

В Архивском списке владимирский свод 1206 г. продолжен переяславской летописью, в Лаврентьевской — ростовской. Так же прежде расходились летописи от «Повести временных лет» — по обособливающимся землям. В интересующее нас время шел процесс дробления Владимиро-Суздальской земли. Наметившееся еще в 40—50-х гг. XII в. дробление это сделалось политической реальностью за два первых десятилетия XIII в.⁷¹ Энергичный централизатор Всеволод Большое Гнездо, однако же, сам способствовал этому, выделяя уделы своим сыновьям. В 1207 г. Константин, его старший сын, получил от него в удел Ростов с пятью городами; летописателю Константина и принадлежит ростовское продолжение владимирской летописи в Лаврентьевской. А годом раньше, за день до пострижения его больной матери в монахини и меньше, чем за три недели до ее смерти, отец послал Константина княжить в Великий Новгород. Торжественная, непропорционально многоречивая, откровенно льстивая запись о его отъезде из Владимира, вступлении в Новгород и начале тамошнего его правления отличает статью 6714 (1206) г. Лаврентьевской летописи (Л, 421—424) от соответствующих статей Радзивилловской и Переяславской. И любопытно то, что в этой льстивой записи обнаруживаются — впервые после 1187 г. — заимствования, или цитации в речи летописца отрывков из предшествующей части повествования. Там их целая серия. Все они сделаны из статьи 6683 (1175) г., завершавшей, как мы знаем, или начинавшей какой-то этап во владимирском летописании. Шесть фрагментов рассказа об убийстве Андрея Боголюбского приспособлены для похвалы его племяннику Константину Всеволодовичу. «Рыдаеть же множество правобѣрных, зряще отца сирымъ и кормителя омраченымъ. . .» — говорится об оплакивании князя Андрея под 6683 (1175) г. (Л, 368); «Рыдаху же множество народа правобѣрных, зряще отцы сирымъ и кормителя отходяща» — говорится о проводах князя Константина владимирцами под 6714 (1206) г. (Л, 422). И так далее.⁷² Седьмое заимствование компилятор посвятил матери Константина, умершей 19 марта 1206 г. — за день до его вступления в Новгород: «Аще не напасть, то не вѣнецъ, аще не труди, то ни честь, аще не брани, то ни дарове» (Л, 425; ср.: «Аще бо не напасть, то не вѣнецъ, аще ли не мука, то ни дарове» — Л, 368). Летописец явно облегчал себе задачу, прибегая в целях создания риторических перипетий к заимствованиям. Но, может быть, у владимиро-суздальских летописцев, начиная с того, который взялся за работу с исходом третьей четверти XII в., после убийства Андрея Боголюбского, стало хорошим тоном с самого пачала путем откровенных повторений связывать свой текст с предшествующим, а тем самым и сопоставлять восхваляемого князя с его родственником-предшественником, и указывать на литературный образец, на который летописец в дальнейшем намерен ориентироваться. Но похоже, что этот придворный летописец Константина свою работу не продолжил. В Лаврентьевской — две статьи 6714 (1206) г., как обычно

⁷¹ См.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 98—101.

⁷² «На весь бо бяше церковный чинъ отверзль. . . паче и на милостыню» (Л, 422—423) — ср.: «на весь бо церковный чинъ и на церковники отверзль ему Богъ очи сердечныи. . . паче же на милостыню» (Л, 368); «слыша Господа глаголюща. . . то мнѣ створиسته» (Л, 423) — ср.: «слыша бо Господа глаголюща. . . то мнѣ створиسته» (Л, 368); «и паки Давидъ глаголетъ. . . и не преткнется» (Л, 423) — ср.: «и паки Давидъ глаголетъ. . . не поткнется» (Л, 368); «мужство же и умъ в нем живяше, правда же и истина с ним ходяста» (Л, 423) — ср.: «мужство же и умъ в немъ живяше, правда же и истина с ним ходяста» (Л, 368); «вторый Соломонъ бывъ мудростю» (Л, 433) — ср.: «второй мудрый Соломонъ бывъ» (Л, 368).

бывает в тех случаях, когда к завершеному своду добавляют отдельно от него составленные записи. Кажется, и свод 1206 г. с его новгородским завершением существовал в дальнейшем как некое целое, которое уже последующие летописцы использовали как основу, как образец и как сокровищницу потенциальных цитат.

Первый признак такого использования этого варианта свода 1206 г. дает статья 6726 (1218) г., когда Константин Всеволодович, бывший к тому времени два года великим князем Владимирским, умер и на великокняжеский стол вернулся его брат Юрий: в посмертную похвалу князю Константину (Л, 442—443) включены фрагменты похвал Владимиру Мономаху, Андрею Боголюбскому и самому Константину из статей 1125, 1175 и 1206 гг. (всего их семь).⁷³ (Поцутно заметим, что девять лет спустя, под 1227 г., сообщив о пожаре, уничтожившем во Владимире двор «блаженного князя Константина» и украшенную им церковь св. Михаила, летописец сказал несколько слов о причинах и смысле несчастий и вставил молитву (Л, 449—450), выписав почти все это из статьи 1185 г. (Л, 392—393), где тоже говорится о пожаре во Владимире.)⁷⁴ И несомненно, что сводом 1206 г. располагал или как-то выделял его в том, чем он располагал, автор повествования о татарском завоевании Руси, находящегося в Лаврентьевской летописи под 6745—6747 (1237—1239) гг.: мы обнаруживаем там невиданное прежде количество заимствованных фрагментов (двадцать один) — при небывало широком диапазоне использованного летописного текста — от статьи 941 г. по статью 1206 г. (последняя — опять-таки в «Константиновом» варианте).⁷⁵ (См. рис. 5). Это сходно с тем, как автор статей 1177—1185 гг. использовал «Повесть временных лет», но тот случай значительно уступает этому во всех измерениях.

Рис. 5.

5. В пользу такого именно понимания дела. . .

Придя к выводу о том, что 1206 г. был важным рубежом во владимиро-суздальском летописании, нельзя не вспомнить тех, кто шел примерно в том же направлении или пришел к тому же заключению, хотя и не сказал подробно о своем пути. Первым, кажется, был М. Черемышлевский, писавший более ста пятидесяти лет назад: «. . . все они (летописи. — Г. П.),

⁷³ «украшенъ всѣми добрыми нравы» — ср.: «украшенный добрыми нравы» (1125 г. — Л, 293); «възлюби Бога всею душею» — ср.: «всею душею възлюби Бога» (1125 г. — Л, 294); «Божій страх отинудъ имѣ в сердци» — ср.: «Божій страх присно имѣя в сердци» (1125 г. — Л, 294); «не помрачи ума своего» — ср.: «не омрачи бо ума своего» (1175 г. — Л, 368); «Соломон бо рече: милостынями и безлобие и вѣроу очищаются грѣси» — ср.: «И Соломон глаголет: милостынею и вѣроу очищаются грѣси» (1206 г. — Л, 423); «Чтѣше же наче меры иерѣйскыи. . . от них молитвы и благословенье» — ср.: «чтѣшеть же излиха чернечскыи. . . от них молитвы» (1125 г. — Л, 294); «помяна слово, глаголющее. . . имѣнья своего раздавая требующим» — ср.: «помяна слово, Господне, глаголющее. . . имѣнья своего, раздавая требующим» (1125 г. — Л, 294).

⁷⁴ «Богъ бо казнит рабы своя напастми различными: огнем, водою, ратью» — ср.: «Богъ бо казнитъ рабы своя напастми различными: огнемъ и водою и ратью»; «христьяномъ многыми напастми и скорбѣми внити в царство небесное» — ср.: «христьяномъ бо многыми напастми внити в царство небесное»; «но не предажь нас до конца имени твоего ради» — ср.: «но не предажь нас до конца имени твоего ради»; «аще бо на безаконья наша призриши. . . подвиженье на зло» — ср.: «аще бо безаконья назриши. . . движенья на зло»; «но обаче надѣмся на милость твою» — ср.: «но обаче надѣмся на милость великаго Бога».

⁷⁵ Подробно об этом и полное сопоставление текстов см.: Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 77—98.

однакож, до 1203 г. согласны в главных происшествиях, кроме небольших пропусков и маловажных разнословий, зависящих от неосторожности, глупости или высокоумия переписчиков. Следовательно, содержание сих летописей заимствовано из одного источника. С сего времени начинается существенная разность в списках; ибо является множество частных летописцев, кои подробно и нередко с пристрастием описывали только происшествия своей земли, не касаясь до прочих княжеств, кроме случаев, описание коих было необходимо для связи».⁷⁶ Вторым могу назвать Е. Ю. Перфецкого, написавшего: «Присмотревшись к взаимоотношениям сводов северной редакции, видим: Радзивиловский свод кончается в 1206-м году, Суздальско-Переяславский кончается в 1214-м году. Лаврентьевский же и Троицкий⁷⁷ своды, хотя и значительно дольше других ведут летописное повествование, но так разнятся, начиная с 1206 года, друг от друга, что издатели их, с этого времени начиная, печатают их тексты отдельно».⁷⁸ Затем А. Г. Кузьмин отметил, на мой взгляд, совершенно справедливо, что «чисто текстологические данные заставляют предполагать существование свода, доведенного до 1206 года», хотя сам он в обоснование этой мысли привел лишь одно наблюдение: «Именно на 1206 год приходится смена владимирских записей ростовскими и в Лаврентьевской летописи».⁷⁹

В пользу такого именно понимания дела свидетельствуют и данные, добытые при изучении Новгородской I летописи. Еще А. А. Шахматов отметил, что последнее по месту в рукописи известие Радзивиловской летописи о битве Ольговичей с Литвою в Синодальном списке Новгородской I находится не под 6713 (1205) г., где ему надлежало бы быть, а под 6711 (1203) г., иначе говоря, он отметил факт путаницы лет, свидетельствующий о том, что в распоряжении и этого летописца был владимирский источник, оканчивающийся около 1205 г.⁸⁰ Затем Н. Г. Бережков показал, что целая «группа статей Новгородской I летописи, излагающая события восемнадцатилетнего промежутка, с 6713 (1205/6) по 6730 (1222/3) год, отличается очень большой неправильностью, непоследовательностью в обозначении годов».⁸¹ В. Л. Янин уточнил, что в Новгородской I летописи младшего извода такая непоследовательность начинается даже несколько раньше, в статье 6712 (1204/5) г.⁸² И он сделал понятной ее причину, точнее сказать, причину того, что она начинается в этом месте: он показал, что оба извода Новгородской I летописи, старший и младший, в пределах до 6712 г. имеют один общий источник, который здесь обрывается (В. Л. Янин называет его «Временником» 1204 г.).⁸³ Значит, мы можем распространить на этот источник вывод, сделанный ранее Ю. А. Лимоновым — но только на основании анализа ряда известий XII в. Синодального списка Новгородской I летописи старшего извода, — «что они были заимствованы из северо-восточного источника», чтения которого, «отличные от чтений Лаврентьевской летописи, Летописца Переяславля-Суздальского, совпадают с чтениями Радзивиловской летописи».⁸⁴ Заметим также, что след присутствия в этом источнике известия 6713 (1205/6) г. о битве Ольго-

⁷⁶ П е р е м ы ш л е в с к и й М. О времени и причинах вероятного переселения славян на берега Волхова // Учен. зап. имп. Моск. ун-та. 1834. Ч. 3, № 9. С. 421.

⁷⁷ Е. Ю. Перфецкий имеет в виду, называя по-старому, Московско-Академический список летописи.

⁷⁸ П е р ф е ц к и й Е. Ю. Русские летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922. С. 99.

⁷⁹ К у з ь м и н А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 59.

⁸⁰ Ш а х м а т о в А. А. Исследование. С. 51. В НИЛ младшего извода это сообщение — под 6712 (1204) г.

⁸¹ Б е р е ж к о в Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 247.

⁸² Я н и н В. Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники 1980. М., 1981. С. 175.

⁸³ Там же. С. 175—181.

⁸⁴ Л и м о н о в Ю. А. Летописание. С. 124—125.

вичей с Литвою позволяет считать возможной его зависимость от отраженного в Радзивилловской летописи Владимирского свода того же 1206 г.

Владимирская летопись, близкородственная Радзивилловской, по также и Лаврентьевской и Переяславской, фрагментарно отражена, как мы знаем, в первой части Ипатьевской, оканчивающейся 6706 (1198) г. (далее там следует галицко-волынская летопись).⁸⁵ Возможно только, что это была владимирская летопись, не доведенная еще до 1206 г. и не подвергшаяся при этом некоторой редакторской обработке.⁸⁶

Итак, памятник русского летописания, представленный Радзивилловским списком, имел очень важное место в истории не только владимирского, но всего русского летописания. Потому-то и дошел он до нас в многократно отраженном виде. А как показывает Радзивилловский список и свидетельствует своими пропусками (периподов текста, оказывающегося в Радзивилловском между миниатюрами) родственный ему Московско-Академический,⁸⁷ свод этот был проиллюстрирован — честь, которой удостоивался далеко не каждый, точнее сказать, очень редкий этап в истории русского летописания.

Результатам наших наблюдений — в том числе и ответу на поставленный ранее вопрос о соотношении Радзивилловской летописи и общего источника летописей Лаврентьевской и Переяславской — можно, мне кажется, придать следующее графическое выражение (см. рис. 6).

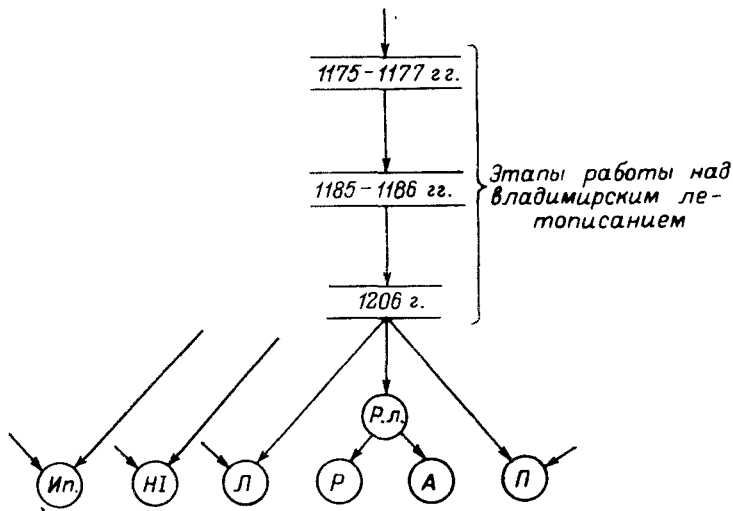

Рис. 6.

⁸⁵ См.: Шахматов А. А. 1) Исследование. С. 39—44; 2) Обзорение. С. 69—79.

⁸⁶ А. А. Шахматов указывает отдельные следы позднейшей, как он думает, обработки владимирского источника Ипатьевской летописи, но считает, что это была обработка значительно более поздняя, следов которой еще «не могло быть во владимирских сводах конца XII и начала XIII в.» (Обзорение. С. 75).

⁸⁷ См.: Шахматов А. А. Исследование. С. 27.